

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС. ИНФОРМАЦИОННОЕ И КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 342.9

*Д. В. Гвоздев, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции общественной безопасности Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь
e-mail: dvg-77@mail.ru*

РАЗРЕШЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ СПОРОВ КАК ПРАВОВОЕ СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ПО РАБОТЕ С ОБРАЩЕНИЯМИ ГРАЖДАН

Исследуются особенности административного порядка разрешения административно-правовых споров в рамках реализации государственной функции правоприменения. Анализируются характерные признаки правоприменительной деятельности органов государственного управления при обжаловании действий и решений должностных лиц органов государственного управления. Делается вывод о наличии у рассматриваемой государственно-управленческой деятельности признаков государственного внутриведомственного контроля.

Ключевые слова: правоприменение, государственный контроль, административно-правовой спор, законность, обоснованность.

*D. V. Gvozdev, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies of the Faculty of Militia of Public Safety of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus
e-mail: dvg-77@mail.ru*

RESOLUTION OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL DISPUTES AS A LEGAL MEANS OF ENSURING LEGALITY IN THE LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES OF PUBLIC ADMINISTRATION BODIES DEALING WITH CITIZENS' APPEALS

Features of the administrative procedure for resolving administrative and legal disputes as a part of the State's enforcement function are examined. Features of public administration law enforcement when appealing against actions and decisions of public administration officials are analyzed. The conclusion is drawn that there are signs of the state internal control in the public administration activity.

Keywords: law enforcement, state control, administrative and legal dispute, legality, validity.

В настоящее время в Республике Беларусь большое внимание со стороны государства уделяется работе с обращениями граждан. «Работа с обращениями граждан на сегодняшний день – одно из важнейших направлений деятельности всей системы госуправления Республики Беларусь. Именно она обеспечивает защиту прав и законных интересов человека, способствует повышению качества жизни людей, созданию условий для свободного развития личности. Данную сферу деятельности государственных органов Президент Беларуси держит на постоянном жестком контроле» [12].

Нельзя не отметить то, какое внимание уделяет проблемам работы с обращениями граждан лично Глава государства А. Г. Лукашенко. Приведем лишь несколько цитат: «Нужно только одно –

внимание к человеку и желание помочь ему... Мониторинг работы с людьми воспринят как ядерный взрыв. Люди просто вздохнули: ну наконец-то власть увидела их чаяния и нужды» [16].

За приведенными высказываниями просматривается большое желание Президента добиться от государственных служащих не просто формально-законного, но и справедливого отношения к людям. А этого, как представляется, проблематично достичь, не преодолев в работе с обращениями граждан формального, либерально-позитивистского подхода к оценке субъекта общественных отношений, его правам и законным интересам. Красной нитью проходит простой посыл: человек – это не просто субъект правоотношений (юридическая конструкция – комплекс социальных характеристик с набором прав и обязанностей, реализуемых формальным применением правовых норм). Человек – это личность чувствующая, думающая, стремящаяся к справедливости не только как к торжеству формального закона, но и как к высшей моральной и социальной ценности. «В основе работы власти должно быть справедливое отношение к людям» [11].

Особенностью общественных отношений, складывающихся в сфере обращений граждан (в части обжалования действий (бездействия) и решений органов государственного управления и их должностных лиц), является то, что они направлены на разрешение правовых конфликтов между субъектами государственно-управленческих отношений. Как отмечается в преамбуле Директивы Президента Республики Беларусь от 27 декабря 2006 г. № 2 «О де бюрократизации государственного аппарата и повышении качества обеспечения жизнедеятельности населения», от граждан поступают жалобы на недостаточную эффективность работы организаций жилищно-коммунального хозяйства, торговли и транспорта, качество медицинского и иного обслуживания, недостатки в сфере строительства, до конца не изжит формализм в работе государственного аппарата с людьми. При рассмотрении таких обращений возникают ситуации, когда на местах устраняются лишь частные последствия имеющихся проблем, но не проводится системная работа по предотвращению причин их возникновения.

Таким образом, можно утверждать, что деятельность государства в лице его органов по работе с обращениями граждан в части обжалования направлена на разрешение административно-правовых споров. При этом общественные отношения в сфере разрешения жалоб складываются преимущественно в рамках реализации государственной функции правоприменения. Иными словами, субъектами правоотношений, возникающих в рамках разрешения административно-правовых споров, в широком смысле в большинстве случаев являются те же субъекты, между которыми этот спор возник (орган государственного управления (администрация), пусть и вышестоящий, и подвластный субъект). Таким образом, и разрешение административно-правовых споров в большинстве своем носит характер исполнительно-распорядительной государственно-властной деятельности по реализации функций исполнительной ветви власти (функции правоприменения).

Проблема заключается в том, что каким бы полным и эффективным не являлось правовое регулирование разрешения административно-правовых споров в рамках реализации государственной функции правоприменения, сам человек с его правами и законными интересами остается субъектом права в его позитивистском, логико-законническом понимании (праводееспособное лицо с имеющимся у него правом на защиту путем обращения в государственные органы как одним из элементов этой самой праводееспособности). Квинтэссенцией понятия субъекта в позитивизме является определение, данное основоположником и главным теоретиком либерального позитивизма Г. Кельзеном в его «Чистом учении о праве»: «Лицо как „носитель“ юридических обязанностей и субъективных прав не есть нечто отличное от юридических обязанностей и субъективных прав – разница только в том, что их носитель представлен как лицо» [7, с. 217–218]. И далее: «Физическое или юридическое лицо, которое „имеет“ юридические обязанности и субъективные права (как их носитель), является этими юридическими обязанностями и субъективными правами, т. е. является комплексом обязанностей и прав, единство которых образно выражается в понятии лица. Лицо является лишь персонификацией этого единства» [7, с. 218].

Довольно сложно ожидать иного отношения к подобному «лицу» со стороны, по сути, такого же субъекта (с точки зрения либерально-позитивистского подхода это такой же субъект права (не личность в ее духовно-философском понимании) – субъект, наделенный соответствующей компетенцией в виде предоставленных полномочий, с той лишь разницей, что такой субъект

персонифицирован не как «лицо», но как «орган»), хотя и уполномоченного на разрешение данного спора. Вышеупомянутый Г. Кельзен дает указанному субъекту однозначное определение: «В той мере, в какой в традиционном словоупотреблении правотворческая или правоприменительная функции приписываются правовому сообществу, то понятие субъекта правовой власти совпадает с понятием правового органа» [7, с. 213].

Таким образом, как бы ни взывали вокруг к чувству справедливости, как бы ни призывали смотреть на человека как на личность в ее духовно-философском понимании, либерально-позитивистская парадигма регулирования общественных отношений, присущая всем европейским правовым системам, в том числе белорусской, просто не позволяет этого сделать. Для закона как высшей либерально-правовой ценности человека как личности не существует, для закона человек – субъект, вся персонификация которого определена понятием «физическое лицо».

Полагаем, не стоит воспринимать все отмеченное как критику сложившегося правового регулирования общественных отношений. Такие отношения субъектов права не плохи и не хороши. Такова данность, современная действительность, заключающаяся в приоритете (или с точки зрения либерального позитивизма «верховенства») права, под которым в самом общем смысле понимается все тот же закон, над иными нормативными регуляторами (религией, моралью, этикой) (ст. 7 Конституции Республики Беларусь) [9]. Тем более, что отрицание либо нивелирование значения закона и строгого, логико-формального, свободного от излишней эмоциональности применения его норм было бы для юриста по меньшей мере непрофессионально и отчасти инфантильно. Законность, как строгое и неукоснительное соблюдение закона и применение всеми субъектами права его норм, является основным условием сохранения стабильности в обществе и государстве, эффективной реализации его целей.

Тем не менее Республика Беларусь, как государство не только правовое, но и социальное, обязана видеть в человеке не просто субъекта правоотношений, но и личность в собственном духовно-философском понимании (ст. 21, 24, 25, 28, 31, 32¹, 33 Конституции Республики Беларусь и др.). Это значит, что необходим поиск таких правовых (принцип верховенства права все же должен преобладать) механизмов регулирования общественных отношений, которые бы позволяли в процессе реализации различных государственных функций (особенно функции правоприменения) учитывать нормы не только закона, но и иных нормативных регуляторов, предоставляя правоприменителю возможность усмотрения (с их учетом) при принятии государственно-управленческого решения.

Рассматривая административный порядок разрешения административно-правового спора, следует отметить, что он урегулирован Законом Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-З «Об обращениях граждан и юридических лиц» (далее – Закон об обращениях граждан и юридических лиц), соответствующим в целом, и по букве, и по духу той цели, ради которой он был принят, – защита прав и законных интересов граждан, достижение социальной справедливости. Это выражается и в гарантиях заявителей (ст. 5), и в правовом регулировании личного приема граждан (ст. 6), и в установлении комплекса прав заявителей (ст. 7), и в установлении обязанностей организаций, индивидуальных предпринимателей (в том числе принимать не только законные, но и обоснованные решения) (ст. 9), и др. Иными словами, правовое регулирование (установление прав и обязанностей субъектов) в части рассмотрения жалобы в процессе разрешения административно-правового спора в полной мере соответствует обозначенной выше цели – установление справедливости как социальной или личной (не только правовой) ценности.

Между тем, как известно, закон без его применения сам по себе значения для регулирования общественных отношений не имеет. И в данном случае возникает закономерный вопрос: как и, самое главное, кем этот закон должен применяться, чтобы обеспечить не только законность, но и обоснованность и справедливость вынесенного по жалобе решения?

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 15 октября 2007 г. № 498 «О дополнительных мерах по работе с обращениями граждан и юридических лиц» и утвержденным им перечнем государственных органов, иных организаций, ответственных за рассмотрение обращений по существу в отдельных сферах жизнедеятельности населения, разрешение административно-правовых споров входит в компетенцию вышестоящих государственных ор-

ганов по отношению к тем органам, чьи действия и решения обжалуются. При этом указанные органы согласно данному перечню входят в систему органов исполнительной власти, реализующей государственную функцию правоприменения¹.

Таким образом, рассматривая особенности разрешения административно-правовых споров органами государственного управления, реализующими функцию правоприменения, необходимо учитывать следующее.

Во-первых, субъектный состав рассматриваемых правоотношений представляет собой, с одной стороны, подвластного субъекта государственно-управленческих отношений (физическое лицо), с другой – государственный орган (иную организацию), чьи действия (бездействие) и решения обжалуются, но более высокого организационного уровня (вышестоящий орган).

Во-вторых, орган (должностное лицо), разрешающий административно-правовой спор, и орган (должностное лицо), чьи действия обжалуются, находятся в отношениях ведомственной (организационной) соподчиненности.

Исходя из изложенного в рамках данного разрешения административно-правового спора оценке подлежит деятельность организационно подчиненного субъекта, что характеризует рассматриваемую государственно-управленческую деятельность как деятельность по реализации такой функции государственного управления, как внутриведомственный контроль.

Особенностью такой деятельности является то, что в рамках ее осуществления оценивается не только законность, но и эффективность, а также целесообразность деятельности подконтрольного субъекта [4, с. 55]. И в этой связи возникает закономерный вопрос: как оценить эффективность и целесообразность действий по реализации прав и законных интересов граждан? Количественными показателями эффективность данной деятельности оценить невозможно. Более того, оценивать приходится не деятельность подконтрольного субъекта как таковую, а ее отдельные эпизоды, а точнее, конкретные действия либо отсутствие таковых при реализации прав и законных интересов конкретного, персонально определенного субъекта государственно-управленческих отношений.

Следует отметить, что цель применения права – это урегулирование тех или иных государственно-управленческих отношений в строгом соответствии с законом. Следовательно, основным показателем, который является критерием оценки деятельности исполнительно-распорядительных органов, реализующих функцию правоприменения, является состояние законности. Эффективность правоприменения проявляется в состоянии законности, или, проще говоря, в количестве нарушений закона (чем их меньше, тем эффективнее процесс применения права).

Однако выше не зря было отмечено, что Закон об обращениях граждан и юридических лиц предписывает государственным органам и их должностным лицам принимать не только законные, но и обоснованные решения. Это означает, что законность и обоснованность – понятия взаимосвязанные, но не тождественные.

Вопрос о соотношении законности и обоснованности в общетеоретической правовой науке решен однозначно: обоснованность не должна подменять законность. Если поступок обоснован, но не законен – это деликт, за совершение которого лицо подлежит юридической ответственности. И напротив, если поступок не обоснован, но законен, никаких негативных правовых последствий его совершение не влечет. Иными словами, в любом случае решение, принимаемое по результатам разрешения административно-правового спора, априори должно быть законным. Но при этом оно должно быть и обоснованным.

А чем обосновать применение закона с точки зрения либерально-позитивистского подхода, кроме как самим законом? По сути, ничем. «Либерализм – стремление к свободе человеческого духа от стеснений, налагаемых религией, традицией, государством и т. д.» [8]. И здесь самое главное – вот это «и т. д.». В общем, свобода от всего, в том числе морали, нравственности, этики. Точнее, это не совсем так. С точки зрения либерализма, конечно, мораль и нравственность

¹ Рассматриваемый Указ устанавливает перечень государственных органов, которые относятся к различным ветвям государственной власти, а также иных организаций, ответственных за рассмотрение обращений по существу в отдельных сферах жизнедеятельности населения. При этом в настоящей статье анализируются особенности разрешения административно-правовых споров органами, реализующими функцию исполнительной ветви власти при осуществлении правоприменительной деятельности, т. е. административно-правовой порядок их разрешения.

существуют, но с одним существенным уточнением: либеральный принцип верховенства права признает моральным и нравственным только то, что законно [2, с. 659]. При этом неразрывно идущий в ногу с либерализмом позитивизм утверждает, что у человека (субъекта, лица) есть только его личные права, обслуживающие его личные (эгоистические, материальные) интересы, а точнее, должен «качать», а также обязанности, которые ему следует исполнять. При этом у государства в лице его органов и должностных лиц есть строго очерченный круг полномочий, составляющих его компетенцию. И то и другое установлено законом. Все остальное не важно. «Либерализм представляет собой доктрину, целиком и полностью направленную на поведение людей в этом мире. В конечном счете он не подразумевает ничего, кроме повышения материального благополучия людей, и напрямую не касается их внутренних, духовных и метафизических потребностей» [9, с. 9].

Таким образом, можем ли мы утверждать, что строгое, формально-логическое следование правовой норме способствует формированию законности? Безусловно. А можем ли мы утверждать, что законность равна социальной справедливости как нравственной и моральной ценности? Вопрос представляется дискуссионным. Судя по вниманию Главы государства, которое он уделяет рассматриваемой проблеме (учитывая его генеральный посыл видеть в человеке личность, а не просто субъекта), активной деятельности всего государственного аппарата по совершенствованию работы с обращениями граждан, не все так однозначно. «Главное – это справедливость. Нельзя обижать людей. Если человек будет обижен на власть и на порядки в стране, он никогда не будет патриотом. Что ему защищать, что он теряет, если вдруг что-то случилось? Вот основа этого патриотизма. Все в простом» [13].

Как видим, главное – это не только законность, но и справедливость. И опять мы приходим к тому, что законность – не то же, что и справедливость. Эти понятия взаимосвязаны, но не тождественны (по крайней мере, в восточнославянской, в том числе белорусской, духовной традиции).

Говоря о социальной справедливости и не раскрывая ее понятия, или, по крайней мере, ее авторского понимания, невозможно рассуждать о правовых механизмах ее достижения. Анализ научной литературы, посвященной соотношению права и справедливости, приводит к выводам, не способным обеспечить того понимания справедливости, о котором речь идет в настоящей статье. В самом общем виде в социологической, правовой и философско-правовой литературе справедливость сводится к оценке тех или иных количественных показателей результатов взаимодействия социальных субъектов. «Предметом социально-психологических исследований является общая оценка справедливости взаимодействия, которая складывается из соблюдения ряда социальных норм, функционирующих в рамках социальной группы и затрагивающих как процесс общения (информационная, процедурная, межличностная справедливость), так и его результат (дистрибутивная справедливость). Они классифицируются людьми на основе формального признака – стадии общения. Содержание этих норм универсально, т. е. не зависит от исторического и культурного контекста и хорошо известно участникам взаимодействия» [5, с. 11].

В самом общем понимании такое понятие справедливости сводится к понятию соразмерности – либо абсолютной (око за око), либо относительной (от каждого по способностям, каждому по труду) и т. д. По сути, такая справедливость – это результат взаимодействия все тех же социальных субъектов в процессе реализации их прав и обязанностей как элемента их праводеспособности, или, проще говоря, результат взаимодействия социально-правовых статусов.

Но о таком ли понятии справедливости речь шла выше? Может ли такая справедливость (соразмерность) сформировать чувство справедливости у каждого конкретного человека (личности)? Думается, не всегда.

Здесь следует подчеркнуть, что поиск правовых механизмов обеспечения всеобщего абсолютного счастья, удовлетворенности и благоденствия – это попытка создать очередную социально-правовую утопию. Однако «идеал недостижим, но совершенство заключается в стремлении достигнуть идеала» [10, с. 167].

Полагаем, что в данном контексте справедливость предполагает не столько количественную меру распределения, сколько психоэмоциональное состояние конкретного человека (чувство справедливости). «Справедливость является одним из главных критериев, который человек использует как инструмент для критического осмысления мира, себя и иных людей, отноше-

ний среди людей» [14]. «В действительности справедливость создает пространство для высших ценностей... Направленная на их исполнение нравственная тенденция... есть предварительное условие всякого дальнейшего осуществления ценностей» [3, с. 405].

Очевидно, что такие критерии справедливости не могут устанавливаться либо регулироваться правом (законом), поскольку это выходит за рамки правового регулирования и является предметом регулирования этических и моральных норм. Невозможно посредством закона установить субъективную обязанность испытывать чувство справедливости. Такое чувство – результат межличностных коммуникаций (межличностных!). Оно формируется, когда человек видит сочувствие, сострадание, сопереживание либо когда другая сторона чувствует себя обязанной (должной) лично ему, даже если результат таких коммуникаций является для него отрицательным.

И здесь мы возвращаемся к рассматривавшемуся ранее вопросу отношений между субъектами права (права именно либерально-позитивного): лицом и органом. Отношения эти, как мы уже выяснили, не характеризуются такими понятиями, как «мораль», «нравственность», «справедливость», «сочувствие», «сопереживание», поскольку формальный позитивный закон не рассматривает их в качестве правовых (юридических) ценностей и средств их достижения, хотя нельзя говорить и о том, что он не учитывает их при юридическом нормировании общественных отношений (правотворческой деятельности). Но, повторимся, лишь учитывает. А это как раз и свидетельствует о том, что рассматриваемые неправовые нормативные регуляторы могут учитываться и в процессе правоприменения.

Так могут учитываться или должны учитываться? Требования Главы государства, как, впрочем, и любого другого человека, однозначны – должны. Но понятие долженствования в праве не тождественно понятию обязывания. Долг – внутренне принимаемое (добровольное) обязательство, «обязанность человека, освященная его совестью» [1, с. 11]. Это одно из основополагающих понятий этики, подразумевающее, что поступки человека совершаются на основе нравственно мотивированного давления или обоснования. Долг – это нравственная необходимость, которая закрепляется в качестве субъективного принципа поведения [6, с. 626].

Выше был приведен посыл о том, что невозможно посредством закона установить субъективную обязанность испытывать чувство справедливости. Но тогда возникает вопрос: а можно ли посредством закона установить субъективную обязанность испытывать чувство долга, чувство быть обязанным человеку лично? Вменить в обязанность, конечно, можно все что угодно, но «желания наделить что-либо способностью быть справедливым вовсе не достаточно... Ведь такое решение само по себе может оказаться несправедливым или аморальным – по крайней мере, если речь идет о действиях другого человека» [15, с. 200]. Получается, что для того чтобы видеть в человеке личность, а не «лицо», необходимо самому быть личностью, а не «органом», иначе это будет «улица с односторонним движением».

Полагаем, необходимо быть реалистами: никаких межличностных отношений в процессе правоприменения в целом и в процессе разрешения административно-правовых споров в рамках реализации данной функции исполнительно-распорядительными органами в частности не существует. Ни лицо, ни орган друг другу ничего не должны. У лица есть право жалобы, у органа есть обязанность применять закон. Испытывать какие-либо чувства самому либо формировать их у другого орган не может, да и не обязан. Как бы пессимистично это ни звучало, но все попытки добиться справедливого (в самом широком понимании этого термина) отношения к людям со стороны исполнительно-распорядительных органов и их должностных лиц могут иметь лишь временный эффект, и то под угрозой юридической, но никак не моральной ответственности. Перефразируя приведенное выше обыденное понятие справедливости, в рассмотренных отношениях справедливость может расцениваться лишь как количественная соразмерность: от каждого по правам, каждому по закону.

Но тогда как быть с личностью, ее эмоциями, чувством справедливости, личным отношением к государству? О долге, морали, нравственности, этике и правовых механизмах, позволяющих учитывать данные нормативные регуляторы как в процессе правоприменения в целом, так и в процессе разрешения административно-правовых споров, можно вести речь при изучении иных, (не контрольных) государственно-управленческих функций. Здесь лишь сделаем вывод: административный порядок разрешения административно-правовых споров в рамках реализа-

ции государственной функции правоприменения является действенным и эффективным правовым средством обеспечения законности в деятельности органов государственного управления (в ее узком, непосредственно юридическом понимании). Не больше и не меньше. И таковым он и должен оставаться.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

Административный порядок разрешения административно-правовых споров, осуществляемый в рамках реализации государственной функции правоприменения, является действенным и эффективным правовым средством обеспечения законности в деятельности органов государственного управления и их должностных лиц по реализации прав граждан.

Указанная государственно-властная деятельность обладает всеми признаками государственного внутриведомственного контроля, осуществляемого в сфере деятельности исполнительно-распорядительных органов по работе с обращениями граждан в части обжалования действий и решений государственных органов и их должностных лиц.

Основной целью рассматриваемой государственно-властной деятельности является обеспечение строгого и неукоснительного соблюдения органами государственного управления и их должностными лицами предписаний нормативных правовых актов, устанавливающих их компетенцию по реализации прав граждан. При этом вопросы обоснованности принимаемых ими решений являются хотя и важным, но не основным предметом государственно-властной деятельности, реализуемой в рамках осуществления административного порядка разрешения административно-правовых споров.

Список использованных источников

1. Витрук, Н. В. Общая теория юридической ответственности / Н. В. Витрук. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Норма, 2009. – 304 с.
2. Гавриленко, В. Г. Право и политика. Большой энциклопедический словарь / В. Г. Гавриленко. – Минск : Право и экономика, 2001. – 1000 с.
3. Гартман, Н. Этика / Н. Гартман ; пер. с нем. А. Б. Глаголева ; под ред. Ю. С. Медведева, Д. В. Складнева. – СПб. : Владимир Даль, 2002. – 708 с.
4. Гвоздев, Д. В. Соотношение понятий «контроль» и «надзор» в государственном управлении / Д. В. Гвоздев // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 5 апр. 2012 г. : тез. докл. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: В. Б. Шабанов (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2012. – С. 54–56.
5. Гулевич, О. А. Социальная психология справедливости / О. А. Гулевич. – М. : Ин-т психологии РАН, 2011. – 288 с.
6. Гусейнов, А. А. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН ; науч.-ред. совет.: В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин. – М. : Мысль, 2010. – Т. 1 : А–Д. – 721 с.
7. Кельзен, Г. Чистое учение о праве / Г. Кельзен ; пер. с нем. М. В. Антонова, С. В. Лезова. – 2-е изд. – СПб. : Алеф-Пресс, 2015. – 542 с.
8. Либерализм [Электронный ресурс] // Википедия. Свободная энциклопедия. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Либерализм>. – Дата доступа: 04.02.2022.
9. Мизес, Л. Либерализм в классической традиции / Л. Мизес ; пер. с англ. А. В. Куряева. – М. : Социум : Экономика, 2001. – 239 с.
10. Н. А. Римский-Корсаков и музыкальное образование : ст. и материалы / под ред. С. Л. Гинзбурга ; Ленингр. ордена Ленина гос. консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова. – Л. : Музгиз, 1959. – 327 с.
11. О честности и справедливости [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/quotes/category/o-chestnosti-i-spravedlivosti>. – Дата доступа: 29.12.2021.
12. Обращения граждан и юридических лиц [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/president/administration/obrascheniya>. – Дата доступа: 09.02.2022.
13. Пресс-конференция А. Г. Лукашенко для российских региональных СМИ [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/events/press-konferentsija-dlja-predstavitelej-rossijskix-regionalnyx-smi-14864>. – Дата доступа: 29.12.2021.
14. Тихомиров, В. Справедливость как элемент нравственности [Электронный ресурс] / В. Тихомиров // Проза.ру. – Режим доступа: <https://proza.ru/2019/07/07/346>. – Дата доступа: 29.12.2021.

15. Хайек, Ф. А. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Ф. А. Хайек ; пер. с англ. Б. Пинскера, А. Кустарева ; под ред. А. Куряева. – М. : ИРИСЭН, 2006. – 644 с.

16. Чиновники должны более ответственно относиться к работе с обращениями граждан – Лукашенко [Электронный ресурс] / БелТА. – Режим доступа: <https://www.belta.by/president/view/chinovniki-dolzheny-bolee-otvetstvenno-otnositsja-k-rabote-s-obraschenijami-grazhdan-lukashenko-137487-2010/>. – Дата доступа: 29.12.2021.

Дата поступления в редакцию: 28.02.2022

УДК 342.9

О. В. Гиммельрейх, кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника факультета повышения квалификации и переподготовки
руководящих кадров по учебной работе Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь
e-mail: gimmelreikh@mail.ru;

Н. Е. Матюшенко, адъюнкт научно-педагогического факультета
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь
e-mail: matushenko2787@mail.ru

КЛАССИФИКАЦИЯ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРЕСЕЧЕНИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫХ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Проводится содержательный анализ видового многообразия мер административного пресечения и различных подходов к их классификации.

Обосновывается позиция, согласно которой система мер административного пресечения, в том числе применяемых органами внутренних дел, имеет общее целевое предназначение, особенности применения и свою иерархически-структурированную и взаимосвязанную конструкцию, одновременно выступая обособленной подсистемой административно-правового принуждения, которая в современных условиях нуждается в должном упорядочении и правовом регулировании.

Предлагаются конкретные организационно-правовые меры по упорядочению оснований классификации мер административного пресечения.

Ключевые слова: виды мер административного пресечения, критерии классификации, общие и специальные меры административного пресечения, правовое регулирование применения мер пресечения, кодификация мер административного пресечения, развитие мер административного пресечения.

A. V. Himmelreikh, Candidate of Law, Associate Professor,
Deputy Head of the Faculty of Training and Retraining of managerial personnel
of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus
e-mail: gimmelreikh@mail.ru;

M. Y. Matsiushenka, postgraduate student of scientific and pedagogical faculty
of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus
e-mail: matushenko2787@mail.ru

CLASSIFICATION OF ADMINISTRATIVE PREVENTIVE MEASURES, APPLIED BY THE INTERNAL AFFAIRS BODIES

The article carries out a meaningful analysis of the species variety of administrative preventive measures and various approaches to their classification.

The position is justified, according to which the system of administrative preventive measures, including those applied by the internal affairs bodies, has a general purpose, peculiarities of application and its hierarchically structured and interconnected structure, while acting as a separate subsystem of administrative and legal coercion, which in modern conditions needs proper streamlining and legal regulation.

Specific organizational and legal measures are proposed for the normative consolidation of the grounds for the classification of administrative preventive measures and their codification.